

дились еще такіе умы, какъ Лассаль, какъ Карлъ Марксъ; подъ ея руководствомъ продолжали еще воспитываться, даже за предѣлами Германіи, цѣлыя поколѣнія — напримѣръ то, къ которому принадлежитъ Брандесъ. Въ Россіи она только что перестала стоять во главѣ угла. Традиціи временъ Станкевича и Вѣлинскаго не были еще забыты; спеціальныя сочиненія о Гегелѣ и гегелианизмѣ — напр. книга Гайма — находили у насъ и читателей, и переводчиковъ. Что же удивительнаго въ томъ, что явился молодой русскій писатель, рѣшившійся заняться гегелевскою философіею и причислившій себя къ ея послѣдователямъ ¹⁾? Ему было къ чему „примкнуть“, у него были „преданія“, съ которыми онъ могъ „связать“ свое дѣло. Забылъ эти преданія не г. Страховъ — забылъ ихъ самъ Катковъ, бывшій профессоръ философіи, бывшій членъ философскихъ кружковъ „in der Stadt Moskau“. Допустимъ, однако, что занятіе гегелевскою философіею, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, было у насъ чѣмъ-то висѣвшимъ на воздухѣ, лишеннымъ почвы; что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели одобренія заслуживаютъ только занятія, кѣмъ-либо „поддерживаемыя“, къ чему-либо „ведущія“, т.-е. имѣющія какую-нибудь ясно определенную практическую цѣль? „Печальнымъ явленіемъ“ былъ бы не выборъ темы, лежащей въ сторонѣ отъ большой дороги — печальнымъ явленіемъ было бы стремленіе сообразоваться исключительно съ господствующимъ запросомъ, съ наиболѣе распространенными требованіями публики.

Общая вина г. Страхова, по опредѣленію Каткова, заключалась въ слишкомъ усердномъ занятіи гегелевскою философіею; спеціальною виною его, какъ автора инкриминированной статьи, было... старанье глубже вникнуть въ вопросъ! „Въ этомъ-то, — по мнѣнію строгаго обвинителя, — вся и бѣда. вмѣсто того, чтобы смѣшаться съ живыми людьми, вмѣсто того, чтобы за-одно съ ними мыслить, чувствовать и дѣйствовать, г. Страховъ пустился вникать глубже въ вопросъ. Онъ забылъ и почву, и народное чувство, и событія, происходящія теперь у всѣхъ передъ глазами, и погрузился въ метафизику вопроса“. Отсюда прискорбное недоразумѣніе: „человѣкъ хотѣлъ самымъ рѣзкимъ образомъ выразить свое народное самолюбіе, свой патріотизмъ — и оскорбилъ это самолюбіе, возмутилъ патріотическое чувство“. Итакъ, къ первой обязанности мыслителя — идти по проторенной дорожкѣ, сохранять связь съ преданіями, стремиться къ практической цѣли — присоединяется другая, еще болѣе важная: не углубляться слишкомъ далеко въ изучаемые вопросы, а смѣшиваться съ

¹⁾ Былъ ли г. Страховъ, въ самомъ дѣлѣ, „послѣдователемъ“ Гегеля — мы не знаемъ; мы исходимъ изъ фактовъ, приводимыхъ въ статьѣ Каткова, не повѣряя ихъ достовѣрности.